

Однако в этот момент настроение Хэ Янься на другом конце было совсем не таким, как у Му Цзышань. Му Цзышань и знать не могла, что Хэ Янься всегда привыкла держаться от людей на почтительном расстоянии: даже занимаясь любовью с наложницами в покоях, она не желала целовать их. Но только что она так естественно поцеловалась с Му Цзышань и не почувствовала при этом ни малейшего отвращения. Более того, то головокружительное чувство блаженства и внезапно вспыхнувший в ее сердце порыв заставляли ее со страхом думать о том, что произошло.

В отличие от прежних дней, сегодня Хэ Янься не озаряла лицо насмешливая или двусмысленная улыбка — ее выражение было на редкость, непривычно серьезным.

Изначально цель ее визита сегодня была совсем иной, но она каким-то непостижимым образом позволила себе погрузиться в это странное ощущение. Она и помыслить не могла, что эта Му Цзышань заставит ее потерять концентрацию, и никак не ожидала, что из-за простого поцелуя испытает такое затмевающее разум чувство. Короче говоря, она знала, что подобное ощущение крайне опасно — к такому ей прикасаться не следовало.

Стоило ей вспомнить пронзительный смех среди бушующего пламени и безумные слова того человека, как хрупкое равновесие, которое она так долго поддерживала в душе, внезапно рухнуло, а мысли пришли в полный беспорядок.

Это были вовсе не те эмоции, которые подобало испытывать ей — всегда холодной и рассудительной.

И впрямь, в столь щекочущие нервы игры ей не следовало вовлекаться столь глубоко.

Глядя на Му Цзышань, которая смотрела на нее с яростью в глазах, Хэ Янься на мгновение замерла. В конце концов она всё же сняла с себя красную мантию, набросила ее на пленницу, чтобы та не замерзла, и покинула камеру.

Глава 6. Узник (часть 3)

Глава приказа «Раскалывающая скала» из Зала Линбао, едва вернувшись во Дворец Цюньин, столкнулась с откровенной картиной: Хэ Янься предавалась плотским утехам со своей наложницей, да так страстно, что кровь закипала в жилах. Матушка Ма испугалась настолько, что тут же зажмурилась и, бормоча: «Продолжайте, глава культа, продолжайте», — поспешно ретировалась из комнаты Хэ Янься.

Выйдя из роскошных, пропитанных чувственным ароматом покоев Хэ Янься, матушка Ма принялась успокаивающе гладить себя по груди, пытаясь перевести дыхание, и вполголоса ворчала, жалуясь на Хэ Янься:

— Я ведь уже старая калорга, а меня заставляют смотреть на столь будоражающие сцены. Госпожа дворца и впрямь совсем не бережет стариков.

Не успела она толком выговорить свои жалобы, как из комнаты за ее спиной слышались шаги. Оглянувшись, она увидела ту самую наложницу, что только что лежала под госпожой дворца. Щеки девушки пылали алым. Поприветствовав матушку Ма словами: «Доброго дня, Глава приказа "Раскалывающая скала"», — она опустила голову и поспешно скрылась. Неподалеку от наложницы из комнаты неторопливо вышла и Хэ Янься. На ней было ярко-красное, пылающее подобно огню платье, а водопад иссиня-черных волос рассыпался по плечам. Заметив испуганный до смерти вид матушки Ма, она тронула губы улыбкой. Выражение ее лица было совершенно не тем, что она обычно показывала членам культа: если бы кто-то не увидел это своими глазами, ни за что бы не поверил, что на лице Хэ Янься, от одного имени которой содрогался весь цзянху, может промелькнуть исполненная нежности улыбка.

Матушка Ма с некоторой досадой вздохнула. Только что она так испугалась этой Хэ Янься, что начисто забыла, зачем вообще сюда примчалась. Хэ Янься, никуда не спеша, стояла в гостинной, слегка поправляя воротник, а затем подошла к столику сбоку, налила себе чашку вина и жестом предложила матушке Ма тоже утолить жажду.

Матушка Ма сама взяла со стола чайник, налила себе чашку чаю и, сделав несколько глотков, наконец успокоилась.

Вспомнив после стольких хлопот о цели своего визита — доложить госпоже дворца важные новости, — она достала из рукава конверт и почтительно протянула его Хэ Янься.

Сломав сургучную печать, Хэ Янься извлекла тонкий лист бумаги. Бросив на него несколько беглых взглядов, она постепенно помрачнела.

В этот момент рядом заговорила матушка Ма:

— Нынешний противник уж слишком силен, боюсь, господин Лань...

Хэ Янься глухо угукнула, но больше ничего не сказала. Матушка Ма взглядела в ее лицо, однако не смогла прочесть на нем ни единой эмоции.

Хэ Янься так долго погруженно разглядывала исписанный лист и молчала, что, судя по всему, путного выхода она так и не придумала. Коль скоро дело обстоит так, боюсь, семью господина Ланя ждет жестокая участь.

— Кто сейчас там? — помолчав некоторое время, наконец спросила Хэ Янься.

Матушка Ма сперва слегка растерялась и лишь спустя несколько мгновений сообразила, что госпожа обращается к ней.

— Как только я ушла, я велела отправить весточку Линчжу (Главе приказа) Лэйтин, чтобы он отправился туда и присмотрел за всем. Раз он присматривает за господином Ланем, опасности

пока быть не должно.

Хэ Янься тихо отозвалась и, сжимая в руке письмо, погрузилась в молчание.

Заметив, что выражение лица Хэ Янься не похоже на привычное, матушка Ма вспомнила ту наложницу, что только что вышла из ее покоев. Прежняя Хэ Янься, сколь бы своенравной ни была, ни за что не стала бы заниматься подобным перед приемом подчиненных. Матушка Ма знала Хэ Янься уже очень много лет: если не считать ту госпожу Юй, которая подобрала девочку много лет назад, она, пожалуй, была человеком, знавшим Хэ Янься дольше всех в культе.

Однако, опираясь на многолетнее понимание ее характера и то беспокойство, что то и дело проступало на ее лице, матушка Ма мгновенно пришла к определенному выводу.

У госпожи дворца редко бывали тайные заботы, поэтому, если она о чем-то тревожилась, значит, они столкнулись с поистине сложной проблемой.

Непонятно почему она вдруг вспомнила ходившие по Дворцу Цюньин слухи о том, что был пойман лазутчик праведных сектак. Судя по ее знанию нрава госпожи, этого человека следовало бы тотчас разрубить на куски и бросить в реку на съедение рыбам, либо же, если госпожа желала утвердить свой авторитет в культе, предать мучительной и страшной смерти на глазах у всех. Однако на сей раз она изо всех сил изощрялась в попытках над пленницей, но при этом упорно поддерживала в ней жизнь, не давая умереть. К тому же, доходили слухи, что госпожа отдала палачам строжайший приказ не сметь портить лицо узницы. Столь озадачивающий приказ изрядно беспокоил матушку Ма.

— Возвращаясь обратно, я слышала, что на этот раз госпожа поймала шпиона? — с некоторым испугом в голосе поинтересовалась матушка Ма.

И действительно, едва услышав это, Хэ Янься неуловимо изменилась в лице. Предчувствие матушки Ма лишь укрепилось: скорее всего, нынешняя странность госпожи была напрямую связана с той женщиной.

— Ничего особенного, с ее делами я уже разбираюсь, — с коротким раздражением ответила Хэ Янься, в голосе которой и впрямь проскользнуло едва заметное, скрываемое раздражение.

— Если госпожа хотела лишь продемонстрировать свою силу, к чему было затевать столько хлопот?

Услышав это, Хэ Янься повернулась к матушке Ма. В ее взгляде читалось куда больше серьезности, чем обычно, но она продолжала молчать, дожидаясь, пока матушка Ма договорит.

— Если вы, госпожа, желали навести страх на людей культа, то разве те изощренные пытки

могут сравниться с ужасным видом ее мучительной смерти? — матушка Ма улыбнулась, сделала глоток чая из чашки, промочила горло и продолжила: — Коль вы, госпожа, хотите предать ее страшной смерти, у вашей старой слуги найдется с добрую сотню способов. Хотите — содрать кожу, хотите — разрубить пополам, либо выпотрошить все внутренности, или же бросить в кипящий котел с маслом. Разве любой из этих способов не лучше нынешней неблагодарной возни с пытками?

Произнося столь жуткие описания казней, матушка Ма сохраняла совершенно невозмутимый вид — словно заправский рассказчик историй в чайной повествовал о чем-то заурядном. На лице же Хэ Янься проступило отвращение: стоило ей мысленно представить эту картину, как на сердце вновь стало беспокойно, и она махнула рукой, приказывая матушке Ма умолкнуть.

— В этом вопросе у меня свои соображения.

На самом деле матушка Ма вовсе не желала Му Цзышань столь мучительной смерти — произнося все это, она лишь пыталась прощупать отношение госпожи. И всё подтвердилось: госпожа и впрямь не одобрила ни одно из ее предложений.

В подобных обстоятельствах возможны были лишь два варианта. Либо она ненавидела ту женщину до мозга костей и собиралась истязать ее до тех пор, пока сама не получит удовольствие, и лишь потом позволила бы ей умереть — точно так же, как в случае с тем предавшем ее Линчжу Лэйтин много лет назад. Хэ Янься люто ненавидела предателей и спуску им не давала. Матушка Ма знала характер Хэ Янься: лишь те, кому она всецело доверяла, в случае предательства кончали столь ужасным образом. Но эта девчонка была всего лишь подосланным врагами шпионом, у Хэ Янься не было ни единой причины ненавидеть ее до такой степени... А значит, оставался лишь второй вариант: Красная госпожа дворца просто-напросто не хотела ее смерти.

Дела принимали занятный оборот.

При этой мысли у матушки Ма проснулось озорное любопытство. Хэ Янься с малых лет отличалась маниакальной жадой контроля над самыми разными вещами; даже по отношению к собственной наставнице она не позволяла себе ни малейшего попустительства, никогда не позволяя кому-либо переступить ею же очерченные границы. Пугающий, грозный облик Хэ Янься обитателям Дворца Цюньин доводилось видеть чаще некуда, а вот растерянной и смущенной ее, пожалуй, еще не видел никто. Такой шанс выпадал разве что раз в столетие.

Во всем Дворце Цюньин вряд ли нашлся бы еще кто-то, кроме нее, кто осмелился бы подшутить над Красной госпожой Хэ Янься. От этой мысли в душе матушки Ма поднялась необъяснимая гордость.

— Неужто госпоже ее жалко? — договорив, матушка Ма опустила голову — лишь для того, чтобы Хэ Янься не заметила промелькнувшей на ее губах улыбки.

— Что за глупости вы говорите, матушка Ма? — Голос Хэ Янься звучал жестко. Услышь кто

другой в культе столь грозный тон, у него наверняка от страха подкосились бы ноги. Но матушка Ма отличалась от остальных: она в буквальном смысле видела, как Хэ Янься росла. Остальные до дрожи боялись госпожи, старались держаться подальше и потому не понимали ее натуры, тогда как матушка Ма прекрасно знала, что представляет собой Хэ Янься на самом деле.

Хотя сейчас Хэ Янься держалась вызывающе, она походила на ребенка, которого ткнули в больное место: за грозным фасадом скрывалась лишь неуверенность, и всякий, кто понимал ее, видел, что она просто блефует.

Ладно-ладно. Хотя матушка Ма и догадывалась, что у Хэ Янься сейчас скребут кошки на сердце, она все же решила дать ей возможность сохранить лицо.

В конце концов, пусть она и всегда относилась к ней как к младшей, та всё-таки оставалась главой культа — нужно было проявить уважение.

— Кхе-кхе, старая я уже совсем, дни нынче холодные, а вы, госпожа, не любите разводить в комнатах очаг — у меня аж горло заболело от разговоров, кхе-кхе-кхе...

Матушка Ма демонстративно зашлась кашлем. Хэ Янься понимала, что та притворяется, но отчитать ее с той же властной строгостью, что и остальных членов культа, не могла, а потому лишь хмуро морщилась, глядя на ее уловки.

Она понятия не имела, как ответить на вопросы матушки Ма, ведь у нее самой не было ответов, и спорить о том, в чем она и сама не разобралась, она не умела. Видя этот спектакль в исполнении матушки Ма, Хэ Янься почувствовала, что голова начинает болеть еще сильнее, поэтому она махнула рукой и велела ей идти отдыхать, сославшись на собственную усталость.

Когда матушка Ма ушла, Хэ Янься осталась в комнате одна, но на душе по-прежнему было беспокойно.

Если вдуматься в слова матушки Ма, ее собственное поведение действительно слишком сильно отличалось от обычного. И признавать, что причиной столь резких перемен была Му Цзышань, Хэ Янься категорически не желала.

Тот визит к Му Цзышань изначально замышлялся лишь как способ измазать ее медом гибискуса, а затем натравить привезенных из Дворца Цюньин призрачных муравьев, чтобы хорошенько ее запугать. Призрачные муравьи Дворца Цюньин страстно любили мед черного гибискуса, а их укусы были таковы, что обычный человек вынести их не мог. Кто бы мог подумать, что на середине дела она забудет, зачем вообще туда пришла? Потеря рассудка в самый последний момент наконец заставила ее признать: в последнее время она и впрямь творила странные вещи, и то, что она раз за разом отступала от собственных правил, было крайне опасным сигналом.

Это ощущение было донельзя неприятным.

Пожалуй, ей и впрямь стоило поступить так, как советовала матушка Ма: просто прикончить девчонку раз и навсегда, не тратя больше столько времени на ту, что никогда не станет умолять о пощаде.

Но почему-то, стоило ей представить этого человека мертвым от ее собственной руки, как в сердце вновь закрадывались сомнения.

Это чувство было поистине странным.

Глава 7. Семидневный ветер (часть 1)

Ранним утром матушка Ма услышала от подчиненных новость: госпожа дворца снова приказала подвесить ту женщину на высоком помосте и, по слухам, собирается выпустить на нее несколько сотен призрачных муравьев, чтобы те заживо сгрызли ее.

Эти призрачные муравьи обладали острыми зубами и крепкими жвалами, а в больших количествах могли запросто сожрать целого тельца. Понять ход мыслей Красной госпожи дворца было трудно: матушка Ма ведь лишь слегка подзадорила ее, но никак не ожидала, что та настолько насторожится и не потерпит рядом даже намека на угрозу.

Услышав это, матушка Ма наспех оделась и помчалась на поиски, бегом преодолев путь до высокого помоста, где висела Му Цзышань. Та была облачена в свободные белые конопляные одежды, подвешена на железных цепях и выглядела смертельно уставшей. Хэ Янься стояла рядом, но лицо ее было страшным: ни следа прежней легкости и невозмутимости, а с губ исчезла даже привычная насмешливая улыбка.

Му Цзышань же, то ли окончательно сломленная чередой бесконечных пыток, полностью утратила рассудок. Прежде, сколь бы невыносимо больно ей ни было, стоило появиться Хэ Янься, как она неизменно принимала гордый вид. Но сейчас Му Цзышань походила на бездушную куклу — она даже не шевельнулась, когда Хэ Янься подошла вплотную.

Подручный держал в руках нанмуский ящик, полный призрачных муравьев, и спрашивал Хэ Янься, выпускать ли их наружу и бросать ли на Му Цзышань. Хэ Янься посмотрела на полуживую Му Цзышань, но внезапно почувствовала, что желание пытать ее куда-то испарилось, и лишь молча махнула подчиненной рукой, приказав убрать ящик.

Весь предыдущий вечер Хэ Янься размышляла над словами матушки Ма и под утро наконец приняла решение: едва забрезжит рассвет, она велит вытащить Му Цзышань, достанет тайное сокровище Дворца Цюньин — призрачных муравьев, хорошенько поизмывается над ней в последний раз и отправит на тот свет. Кто же знал, что, прибыв на место, она увидит Му Цзышань на грани гибели? Стоило ей протянуть руку и коснуться пленницы, как она ощутила, что тело той пылает жаром и непрерывно бьется в судорогах. Культзановцы, что принесли ее

сюда на носилках, в один голос твердили, что девчонка, похоже, и без всяких муравьев вот-вот отправится прямиком к Владыке подземного мира.

Принятое на рассвете решение Хэ Янься вновь затрепетало от сомнений, стоило ей взглянуть на узницу.

По логике вещей, в таком состоянии та уже не представляла никакого интереса для пыток, однако Хэ Янься поймала себя на мысли, что вовсе не хочет ее смерти.

— Судя по ее виду, это смахивает на семидневный ветер. — Пока Хэ Янься пребывала в растерянности, подошедшая к помосту матушка Ма приподняла подбородок Му Цзышань, пощупала ее пульс и поставила диагноз.

Матушка Ма долгие годы скиталась по цзянху и прекрасно разбиралась в самых разных недугах, а потому с легкостью определила болезнь после беглого осмотра.

— Семидневный ветер? — Хэ Янься нахмурилась. Она слышала название этой болезни: говорили, что подхватившие ее были безнадежны и через несколько дней отправлялись на встречу с Яньваном.

Глядя на подвешенную на помосте и изуродованную пытками Му Цзышань, Хэ Янься испытывала целый спектр противоречивых чувств, от которых на душе скребли кошки.

Если эта женщина действительно через несколько дней отправится к Яньвану, у нее самой отпадет необходимость ломать голову над тем, убивать ее или нет.

Вот только если та и вправду вот так умрет, Хэ Янься была вовсе не готова с этим мириться.

— Это когда зловещий ветер и яд проникают через раны прямо в меридианы и кровь... Заболевшие выгибаются дугой, сжимают зубы и прикусывают язык... Если ничего не предпринять, через несколько дней отправятся к Яньвану... — неторопливо вещала матушка Ма. Ее неспешный тон походил на размеренное чтение сказок, что так допекло Хэ Янься, что она чуть было не сорвалась на крик прямо при подчиненных.

Матушка Ма прекрасно умела читать по лицам и, заметив недовольство госпожи, тут же продолжила:

— Впрочем, мне доводилось видеть случаи, когда от этой болезни полностью излечивались. — Заметив нетерпение Хэ Янься, матушка Ма не удержалась от легкой усмешки: то ли из-за этой пленницы, то ли по какой-то иной причине, но в последнее время Хэ Янься казалась ей гораздо милее, чем обычно.

Хэ Янься сверлила матушку Ма взглядом, но гордость не позволяла ей потребовать, чтобы та говорила быстрее. Матушка Ма же, казалось, нарочно испытывала ее терпение, растягивая

каждое слово так надолго, что Хэ Янься, казалось, готова была метать глазами искры. Если бы этот огонь из ее глаз действительно мог жечь, матушка Ма давно бы обратилась в пепел раз десять.

К счастью, та знала меру и не стала дожидаться, пока ее и вправду испепелит гнев Хэ Янься. Потомив госпожу еще немного, она продолжила, хотя, глядя на перекошенное лицо Хэ Янься, все равно не удержалась от желания еще немного над ней подшутить.

— Это было то ли на двенадцатый год Чэнси, то ли на тринадцатый, а может, и вовсе зимой четырнадцатого года... — Матушка Ма изначально собиралась дотянуть со своим рассказом вплоть до года кончины покойного императора, но, заметив почерневшее от злости лицо Хэ Янься, благоразумно решила притормозить.

— Старая слуга тогда случайно проходила через один маленький уезд. День уже клонился к вечеру, и я решила найти там какую-нибудь крестьянскую семью, чтобы переночевать, а на рассвете продолжить путь. Ну и добрела до одного двора; главу семейства звали то ли Эргоу, то ли Гоушэн — до чего же отзывчивый человек! В тот вечер он вместе с женой даже зарезал курицу, чтобы угостить меня, а жареные верхушки побегов тыквы, что готовила его хозяйка, были просто пальчики оближешь... Прошло столько лет, а как вспомню тот вкус, до сих пор слюнки текут... Тц-тц...

У Хэ Янься на лбу запульсировала жилка, и она одним ударом ладони разнесла в щепки каменный столик, стоявший у края помоста. Стол был высечен из чистейшего мрамора, и зрелище того, как хрупкая на вид девушка в один миг превращает его в крошку кулаком, поражало воображение — внутренняя сила и взрывная мощь Хэ Янься действительно внушали ужас.

Матушка Ма от этого удара судорожно втянула воздух, подумав про себя, что, к счастью, госпожа из уважения к ее старослужащим заслугам не приложила эту ладонь к ее собственной голове. Иначе она отправилась бы на Западные небеса на несколько дней раньше этой злосчастной девчонки. Сообразив это, она мгновенно прекратила пустые разглагольствования и перешла к сути.

— Кхе-кхе, в общем... у этого самого Эргоу невезучий ребенок случайно наступил на ржавый гвоздь, а потом невесть с чего подхватил этот семидневный ветер. К счастью, в тот день через деревню проезжал странствующий лекарь. Я сама видела, как он раскаленным ножом вспорол рану ребенку, а затем залил ее крепким вином... Ох и горько же кричал тот малец, всю ночь напролет ревел! Потом лекарь выписал ему отвар, велел отцу сходить с рецептом в лавку и отпаривать ребенка каждый день по порции. Правда, что за травы там были, старая слуга позабыла...

Хэ Янься с трудом подавила остатки терпения, дослушав болтовню матушки Ма, и едва не разнесла в пыль второй каменный столик на другом конце помоста. Выслушав рассказ матушки Ма, она кликнула нескольких искушенных в медицине целителей культа и спросила, знают ли те рецепт от семидневного ветра. Те принялись в ужасе трясти головы, отчего лицо Хэ Янься стало еще мрачнее — несчастные целители, вызванные на допрос, едва не скончались

на месте от одного ее страшного взгляда.

Хэ Янься приказала им немедленно отыскать лекаря, способного исцелить эту хворь, и те, получив приказ, помчались прочь так, будто земля горела у них под ногами, опасаясь, что если задержатся здесь хоть на мгновение, то разгневают госпожу и отправятся кормить рыб в реку.

Кнуты во Дворце Цюньин изготавливались особым образом: в ковыряную воловью кожу были вплетены тонкие медные жилы. Му Цзышань изо дня в день полосовали этим кнутом: раны успевали затягиваться, после чего их снова распарывали, и так по кругу. Вспомнив слова матушки Ма и прочитанные некогда медицинские трактаты, Хэ Янься тут же догадалась, что яд семидневного ветра попал в организм Му Цзышань именно через эти плети. Во Дворце Цюньин никогда прежде не обращали внимания на то, заболит ли кто-нибудь после порки, просто потому, что никто из тех, кто удостоивался стольких ударов, до сих пор в живых не остался.

<http://bllate.org/book/20982/2130314>